

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

**БИБЛИОТЕЧКА
АГИТАТОРА И
ПРОПАГАНДИСТА**

Выпуск 98

**СЕРИЯ „НАШИ ЗЕМЛЯКИ
В БОЯХ ЗА РОДИНУ“**

КНИЖКА 5

КОЧЕТКОВЦЫ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „СТАЛИНСКОЕ ЗНАМЯ“
Г. Е н з а 1942

Кр

Смерть немецким оккупантам!

63.3(2)622, (2 Кр

К 75

КОЧЕТКОВЦЫ

Пенз. Областная Библиотека
имени М. Ю. ДЕРЖАВИНА

Отв. редактор Н. И. СТРАХОР.

Техн. редактор Г. М. ГОРЕНШТЕЙН.

Рев. корректор О. П. ГАРОЗА.

ФЛ2103

Формат 4x6 кв.

Объем 32 стр.

Тир. 5100.

Зак. № 2780

Типо-литография издательства «Сталинское знамя»
Ценза, ул. Кирова, 6б,

БЕССМЕРТИЕ

Читатель наш! Кто бы ты ни был — рабочий ли у станка, кующий оружие для фронта, колхозница, вставшая за штурвал комбайна, чтобы заменить ушедшего на фронт мужа, горожанка, работающая в колхозе на молотьебе, боец, выздоравливающий после ранения, пионер, собирающий на поле колосья, — кто бы ты ни был, наш читатель, ты должен знать о бессмертном подвиге шестнадцати гвардейцев под Сталинградом. Его свершили во имя Родины шестнадцать патриотов, шестнадцать простых советских людей во главе со своим командиром — гвардии младшим лейтенантом **ВАСИЛИЕМ КОЧЕТКОВЫМ**, комсомольцем, бывшим служащим города Беднодемьяновска нашей Пензенской области. Мужественные защитники города Сталина презрели смерть и ценой собственной жизни не пропустили на своем

участке врага к Сталинграду. Честь им и вечная слава!

Дело было так. Гвардейцы занимали позицию у высоты, легко проходимую для вражеских танков. Бойцы хорошо окопались. Они знали, что предстоят жаркие бои. Стремясь любой ценой прорваться на восток, немцы бросали в бой все новые и новые силы. Кочетковцы твердо решили — умереть, но не сделать ни шагу назад. К исходу дня враг бросил в атаку на высоту большой отряд пьяных итальянцев. Гвардейцы подпустили наемников Гитлера поближе и открыли по ним точный огонь. Пули косили итальянцев одного за другим. Четыре раза бросался враг в атаку и четыре раза откатывался обратно. Больше 80 фашистских собак нашло свой бесславный конец на склонах высоты, которую им так и не удалось захватить. Тогда немцы бросили в атаку отборных автоматчиков. Гитлеровские мерзавцы подходили все ближе и ближе. Вот уже слышна их лающая немецкая речь. И снова заговорили винтовки и автоматы гвардейцев-комсомольцев. И снова дрогнули и отпрянули назад вражеские ряды. Кочетков, заметив па-

нику и растерянность противника, поднял своих друзей в атаку. Враг не пошел, но героический командир шестнадцати был ранен.

Наступила ночь. Кочетков знал, что в скором времени надо ждать массивной атаки. На высоте никто не спал. Командир был уверен в своих товарищах, но готовил их к решающей схватке.

Устоять, не пропустить врага — для этого нужна богатырская стойкость, сила духа, железная воля. Эти прекрасные качества свойственны советскому человеку и прежде всего сталинскому гвардейцу. Они выкованы в суровой школе славных военных традиций нашего народа. Они воспитаны в русском воине в исторических битвах на льду Чудского озера и на поле Куликовом, под Потаповой и Бородиным, на бастионах Севастополя и кровавых равнинах Галиции. Они, эти качества, умножены в огне гражданской войны и в суровых боях против гитлеровских захватчиков. Сто тридцать лет назад, в ночь перед Бородинским сражением старый фельдмаршал Кутузов приказал своим солдатам: „Ни шагу назад. Стоять всем насмерть... Стойте, как часовые. Позади Москва“.

И русский солдат выстоял. Он перенес весь ужас кровопролитного Бородинского сражения, пролил реки своей крови, но смертельно ранил врага. В грозные дни наступления немецких орд на Москву осенью прошлого года 28 легендарных гвардейцев-панфиловцев погибли, но не пропустили врага к столице. Политрук Клочков-Диев сказал тогда своим бойцам: „Отступать некуда. Позади Москва“. И сталинский гвардеец выстоял, не отступил.

На небольшой высотке под Сталинградом, как и во многих других битвах великой отечественной войны, снова воскресла замечательная традиция нашего великого народа. Под утро немцы решили раздавить отважных советских бойцов танками. Они бросили на окопы шестнадцати гвардейцев 12 бронированных машин. Как страшные чудовища, ползли по степной равнине танки на людей, у которых не было даже противотанковых ружей. Но гвардейцы не дрогнули. Их собрал вокруг себя молодой командир Василий Кочетков и сказал: „У нас есть еще гранаты. Мы — комсомольцы. Страна удостоила нас высокого звания гвардейцев. Вы помните

подвиг панфиловцев? Так вот и нам — отступать некуда. Позади Сталинград“.

Танки ползли вперед, казалось, неотвратно. Гвардейцы разошлись по своим позициям. Начинаясь беспрецедентный бой. Один из кочетковцев обвязал себя гранатами и бросился под гусеницы немецкого танка. Страшный взрыв потряс воздух, и запылал вражеский танк. Второй, третий, четвертый гвардеец последовали примеру своего товарища. Четыре друга расстались с жизнью, и четыре немецких машины вышли из строя вместе с укрытыми за скорлупой брони гитлеровскими бандитами. Шесть немецких танков, экипажи которых видели, как советские воины истребляют врага ценой жизни, развернулись и пошли назад. Только две машины упорно ползли вперед. Наступила решающая минута. Командир Василий Кочетков, вдохновитель бессмертного подвига гвардейцев, был тяжело ранен. Сражаться могли только оставшиеся в живых гвардейцы Шуктамов, Чирков и Степаненко. Они могли спасти всю жизнь. Они могли укрыться в окопе или в овраге за высотой. Но танки могли прорваться вперед. Чувство долга повеле-

вало: умереть, но не пропустить врага. И гвардейцы выполнили свой долг. Они бережно отнесли умирающего Кочеткова в укрытие, попрощались с ним и, обвешав пояса гранатами, с возгласом „Да здравствует Родина!“ бросились под фашистские танки. Последние две немецкие машины были уничтожены. Враг не прошел.

Вскоре к высоте подоспело наше пехотное подразделение. Бойцы подобрали раненого Кочеткова. Перед смертью он назвал имена своих товарищей. Вот они: сержант Шуктамов, младшие сержанты Касьянов и Бурдов, сфрейторы Гушин и Докучаев, красноармейцы Федосимов, Унжаков, Двоглазов, Меркурьев, Чирков, Федотский, Штефан, Пуховкин, Степаненко и Бурдин. Отныне нетлены эти имена! Запомните их, товарищи рабочие, колхозники, интеллигенты Беднодемьяновского района и всей Пензенской области. Встань, боец тыла, и обнажи голову перед памятью о героях! Где бы ты ни работал, всегда помни: ты должен быть достоин кочетковцев, ты должен трудиться стойко и яростно во имя нашей победы.

РАБОЧИЙ! Тебе дана норма, днев-

ное задание. Это боевой приказ на поле битвы. Две, три нормы обязан ты выполнить. Может быть, это трудно, но ты же гвардеец тыла! Стой на своем, и ты победишь, как победили кочетковцы!

КОЛХОЗНИК! Ты даешь фронту хлеб, мясо, овощи. Ты кормишь война Родина не простит тебе, если в поле останется неубранный хлеб, если во-время не будет выполнена первая заповедь перед государством. Работай за двоих и за троих. Это требует высокой самоотверженности, но ты же гвардеец тыла! Будь стоек в труде, и ты победишь, как победили кочетковцы!

БЕДНОДЕМЬЯНОВЦЫ! Колхозы вашего района еще не закончили уборку хлеба, только наполовину посея и озимые, медленно разворачивают молотьбу и хлебослачу, плохо заботятся о вспашке зяби. Вы не имеете права работать плохо, вы должны резко поднять темпы осенних работ, по-фронтовому ковать победу в бою за хлеб! Подвиг кочетковцев обязывает всех тружеников нашей области, а вас прежде всего, трудиться по-гвардейски. Гвардеец-командир Василий Дмитриевич Кочет-

ков—это слава вашего района, это гражданская совесть каждого из вас. Не посрамите своей чести. Бейте врага ударным трудом, работайте днем и ночью, сберегите урожай до зерна, чтобы память о герое не укорила вас. Будьте стойки в бою, и вы победите, как победили кочетковцы!

ТРАКТОРИСТ! ПАХАРЬ! Вы боретесь за высокий урожай будущего года. Сейте озимых больше, чем установлено планом, пашите и сейте хорошо и производительно, по нагорновски. Поставьте задачей не уходить с поля, не перевыполнив нормы на севе, на пахоте зяби. Не отступайте ни на шаг от задания, и вы победите, как победили кочетковцы!

ВОЗЧИКИ ТРАНСПОРТНЫХ БРИГАД! Суточный график хлебосдачи—это приказ родины. Он нерушим и должен выполняться неукоснительно. Двиньте на элеваторы сплошной поток обозов имени Василия Кочеткова и его бойцов—доблестных защитников Сталинграда, и вы поможете фронту скорее разбить врага, вы победите, как победили кочетковцы!

Образ шестнадцати сталинских гвардейцев должен стать знаменем в нашей работе, товарищи. Все наши силы на помощь фронту, на защиту Сталинграда. Победа над врагом—вот великая цель каждого бойца фронта и труженика тыла. К мужеству и победе зовет нас подвиг кочетковцев, олицетворяющий стойкость и преданность советских людей делу Ленина—Сталина, воздвигнувший в сердцах народа памятник шестнадцати простым советским людям. Этот памятник—бессмертие.

(Передовая газеты „Сталинское знамя“
от 17 сентября 1942 г.).

КОЧЕТКОВЦЫ

— Да, мы их хорошо знали, — сказал мне военком батальона, помолчал немного и повторил: — Мы их хорошо знали.

Он сидел по-турецки на зеленой плащ-палатке, расстеленной в блиндаже, глубоко затягивался табачным дымом и говорил медленно, спокойно.

— Они отбили шесть атак, — рассказывал комиссар, — и отбили седьмую тоже. Во время седьмой атаки они погибли.

Так же спокойно, подробно комиссар изложил обстановку перед последним боем шестнадцати гвардейцев. Затем он стал говорить о каждом из них.

Дым синеватой пеленой расстилался под желтым, бугристым потолком. Все очень много курили, а в маленьком блиндаже было тесно. Худощавый, с усталой спиной, лейтенант Астахов слушал комиссара, опершись лицом на руку. Рядом с ним сидел младший политрук

Галич—молодой, светлоглазый. В самом углу вместе со мной примостился коренастый Лаптев. У входа в блиндаж на корточках сидел связной Мурзинцев — он так и сидел все время, несколько часов. Потом заходили еще другие гвардейцы, и как ни было тесно, все потихоньку устраивались в блиндаже.

Когда говорил один, все слушали тихо-тихо. А если кто-нибудь добавлял несколько слов—они так удачно дополняли рассказчика, что без них нельзя было обойтись. Как тут бережно помнят привычки, походку, взгляд, характер погибшего товарища! Когда говорили комиссар, Астахов, Лаптев и другие гвардейцы, мной постепенно овладевало странное чувство. Мне казалось, что вот я вижу голубоглазого, застенчивого Кочеткова, тонкого, торопливого Федосимова, черненького, маленького Чиркова... Казалось, что все они — шестнадцать — по одному проходят среди нас, каждый своей походкой, со своим лицом, тот с улыбкой, тот немного угрюмый, а кто просто спокойный, все живые проходят здесь и слушают, что о них говорят.

Такое ощущение было, видно, не

только у меня. Когда командир роты Астахов вспомнил привычный ответ Кочеткова: „Будет выполнено“, Галич тихо сказал:

— Мне показалось, будто это сейчас сказал Кочетков. Точно его голос: „Будет выполнено“...

Так в маленьком блиндаже оживали воскресали образы убитых героев, так рождался рассказ о шестнадцати кочетковцах.

Высокий, бежавый Штефан любил петь. Он любил грустные украинские песни и пел их несильным, душевным голосом. Ему было двадцать лет. Его видел политрук Новиков после отбитой шестой атаки. Гриша Штефан сидел в окопе серый, измазанный землей. Он поднял на политрука бессонные глаза и сказал:

— Все равно им высоту не взять.

Высоту немцы у кочетковцев не взяли. Когда политрук вернулся сюда из другого взвода, Гриша Штефан лежал убитый в своем окопе. Вокруг валялись осколки брони. Лицо его застыло с прикушенной от боли губой. Невдалеке от него, в других окопах и просто на земле, лежали окровавленные, изуродован-

ные Бурдов, Гущин, Унжаков, Федотовский...

Когда лейтенант Астахов говорил об этом, он немного замялся и вдруг строго посмотрел на меня.

— Да, Федотовский, — сказал он, и его голос стал сухим. — В газетах напечатали Федотский, а его фамилия Федотовский. Да, Федотовский Николай Михайлович, и путать такие вещи нельзя.

Бурдов и Гущин лежали оба у своего ручного пулемета. Это был тот пулемет, который так тяжело приходилось носить Бурдову. А он и так покашливал, и если много шел, дыхание у него было тяжелым, хрипловатым. Но курил он часто.

Как только начиналась новая атака немцев на высоту, Бурдов жадно, спеша затягивался дымом, обжигая губы и пальцы маленьким окурком, а потом стрелял. И так стрелял, что на десяток лет моложе его чернявый, бойкий Ваня Гущин еле успевал набивать диски. Зато каждый раз под высотой и на склонах высоты оставались черные цепи мертвых, а Бурдов свертывал новую папироску.

— Сынок, передай там, — дымя и хрипло откашливаясь, сказал он проползав-

шему мимо связному Мурзинцеву, — передай, что горячего супу пора прислать.

Федотовский был на левом фланге со своей винтовкой, невдалеке от Бурдина. Бурдина звали Николай Иванович, и ему иногда шутя говорил Бурдов:

— Тебе две буквы из фамилии помянуть, и сошел бы за родного брата.

Николаю Ивановичу Бурдину было девятнадцать лет, высокий, худощавый, он был совсем непохож на плотного Бурдова. Но эти слова ему нравились — в них слышалась теплая ласка. И хотя Бурдин добродушно ворчал: „Чего мне с тобой родниться“, в душе он был доволен.

„Ноги поперек дороги“ — так подразнивал русого Унжакова командир роты Астахов. Унжаков на высоте был правым соседом у Бурдина. Прозвище он получил из-за своей странной походки. Когда идет, нога становится не прямо, а как-то поперек, другой ноге словно путь загораживает. Унжаков хорошо дружил с Пуховкиным — тихим, старательным бойцом. Изредка при затишьи они перекликались на высоте. О чем — неизвестно. Может, какие шутки шутили, а может, говорили, что чаю хо-

телось напиться или воды... Мало ли о чем могли они перекликаться, стараясь, главное, голосом, тоном голоса подбодрить один другого.

Позже Новиков узнал мертвого Унжакова по его длинным ногам, они казались еще большими, — вытянутые, в обмотках. Николай Унжаков лежал, помятый танком, и около него гранатой была взрыта земля.

Шестнадцать человек держались на высоте четверо суток. На них падали сотни снарядов, бросались десятки самолетов, с визгом и воем сыпались бомбы. На них семь раз наступали сотни врагов. Но каждый раз Кочетков кричал „Огоны!“ — и все открывали огонь, и никто не двигался шага назад. Бурдов бросал свой окурочок и стрелял из пулемета, а Гушин набивал диски и стрелял из винтовки. С левого фланга били Бурдин, Унжаков, Штефан, Федотовский. В центре лежали Докучаев, Двоглазов и Пуховкин. На правом фланге держались Касьянов, Меркурьев, Федосимов. Невдалеке от Кочеткова стреляли Шуктомов, Чирков и Степаненко.

Об этих трех, умирая, Кочетков го-

ворил, что они последние оставались в живых и бросились с гранатами под танки. Они подорвали танки и себя.

Михаил Шуктомов был агитатором, очень любил оружие и всегда других заставлял чистить винтовки. Невысокий, светлый, он смотрел серьезно и упрямо. Шуктомов не терпел никакой обиды и болезненно переживал, если его зря задевали. Он ходил в начищенных сапогах и нерях не любил.

Черненький Чирков часто получал письма от жены и читал их, уединившись. Он метко стрелял и любил слушать рассказы Унжакова, как тот копал на приисках золото. Иногда при этом не выдерживал и заливался смехом: „Ну и врешь ты здоров!“.

Самым молодым из трех был Михаил Степаненко—ему недавно минул двадцать первый год. Сероглазый, веселый, он часто шутил и смеялся. Любил читать и у Лаптева постоянно брал книги Пушкина.

Они видели гибель своих товарищей и погибли последними. Кто скажет, что это за сила — сила отважного сердца, бросающая человека навстречу смерти, бросающая с гранатой в руке — его

самого, чтоб точнее был удар! И он идет на броню, обреченный, бесстрашный, и последнюю волю жизни отдает для победы. А у них, у всех шестнадцати, была эта огромная сила.

— Да,—задумчиво сказал замполитрука Лаптев, — Степаненко увлекался стихами. Каждый раз возьмет книгу, потом принесет тихонько, положит.

— А Докучаева помнишь? — спросил Галич у Лаптева, и тот кивнул головой.

— Он еще не брился, комсомолец...

В голосе Галича слышалась гордость. Все, кроме Бурдова, были комсомольцами, и мы это знали, но Галич — секретарь комсомольского бюро, и не мог не напомнить о каждом.

Докучаев никогда не ругался и не переносил, если кто ругается. Он не пил водки и даже курил как-то по-детски — только учился курить. К первому мая он вместе со всеми получил посылку в подарок. В посылке была четвертушка водки, и он принес ее политруку.

— Нет, для праздника уж и ты выпей, — сказал политрук, — давай поделимся.

Они выпили вместе, и потом Докучаев ходил с посоловевшими глазами и,

маленький, смешной, говорил всем о своем хорошем дяде, который живет в городе Вологде.

Докучаева убили тоже при седьмой атаке. Его окоп был рядом с окопом командира отделения Касьянова, в центре обороны взвода. Когда сюда, к центру высоты, добрались немецкие танки, кто-то из гвардейцев первым с гранатой бросился под танк. Его фамилию, тоже названную Кочетковым, политрук Новиков забыл. Не был ли это Докучаев? А может быть, бойкий, веселый Двоеглазов или русский Унжаков? Или это первым на смерть пошел Иван Федосимов? Какую бы работу ему ни давали, он всегда торопился ее сделать, старательный, нервный, подвижной. Может быть, он и бросился первый, торопясь скорее, скорее остановить машину, чтоб не убила его друзей? Или широкоплечий Меркурьев?

— Любой из них мог это сделать, — сказал комиссар, — они все были такие.

— Все, — тихо подтвердил Астахов.

Они были все такие... Когда политрук роты пришел на высоту после седьмой атаки, Кочетков умирал последним. Внизу под высотой немецкие танкисты по-

спешно уводили свои подбитые шесть машин. А немецкие автоматчики залегли на огорогах и стреляли сюда, наверх. Твари не успели подняться за тяжелыми танками наверх, где лежали пятнадцать погибших гвардейцев. И на высоту попрежнему сыпался град пуль и тяжело летели снаряды.

Кочетков держал правую руку на груди и отплевывался кровью. Он полулежал, прислонившись спиной к стене окопа. Голубые глаза смотрели жалобно и просто, без испуга. Кочетков чуть приподнял окровавленное лицо и тихо сказал:

— Все люди погибли... Как герои..

Он был самым удивительным человеком из всех кочетковцев — младший лейтенант Кочетков.

Как только в блиндаже заходила речь о Кочеткове, о нем говорили все. Он жил и делал все как-то незаметно. Среднего роста, чуть сутуловатый, Кочетков часто краснел, у него были чистые голубые глаза.

И у него была железная воля. И бойцы его любили так, как он их любил.

— Тихий, тихий, — сказал Галич. —

А за красноармейца горло грыз. Придет за чем-нибудь для бойцов, — добьется!

Когда он, раненый, сидел в окопе, во время пятой атаки, к нему явился связной Мурзинцев. Командир роты приказывал сообщить обстановку. Сквозь бинты и гимнастерку на левой руке Кочеткова проступала кровь. Он лежал, озабоченно вглядываясь вперед, и время от времени выпускал очередь пуль.

— Передайте, что немцы подтягивают до десяти танков, — сказал Кочетков, — и до двух рот пехоты.

Больше он ничего не добавил. У него во взводе оставалось пятнадцать бойцов, на него готовилась такая сила, а он слова не сказал о помощи. Да, ему было девятнадцать лет, но он имел настоящую волю командира. Обстановка изложена, силы взвода известны — остальное решать не его дело, его задача — стоять на своем месте.

Все, что могли сделать комиссар и командир батальона для помощи ротам, — они сделали. Они собрали шесть ездовых и послали их с ящиками патронов, с винтовками во взводы. Больше некого было бросать в бой: последний резервный взвод вчера ушел на высоту.

И шестнадцать гвардейцев до конца оставались одни.

И они сами защищали высоту и погибли на ней, а назад не отступили.

Вот какие были кочетковцы!

В блиндаже каждый закончил говорить, и на несколько минут залегло молчание. Все молчали, охваченные воспоминаниями. Мурзинцев попрежнему недвижимо сидел на корточках. Галич медленно свертывал папиросу. Лейтенант Астахов чуть приподнялся, расправил плечи и вздохнул. Я сказал комиссару:

— Провести бы митинг на той высоте...

Военком нахмурился, затянулся папиросой. Вдруг он повернулся ко мне, и я не узнал его обычного спокойного тона.

— Знаете, почему не провели? — резко спросил он и продолжал уже взволнованно, с горечью. — Потому, что высота теперь у немцев. Выйдем, я вам покажу ее издали. Да, у немцев! А разве мы ее сдали? Мы бы ее никогда не сдали. Мы бы все погибли, а высоту не отдали. После тех боев нас сменила другая часть. Она сразу сдала высоту,

Хотя немцев на них двигалось впятеро меньше, чем на нас...

Он помолчал, швырнул окурок в угол блиндажа и продолжал уже спокойнее:

— Кочетковцы сделали великое дело. Они недаром погибли — они убили несколько сот немцев, не говоря уже о шести танках. Ведь в том-то и соль боя — побольше убить немцев. Мы зубами вгрызались в землю и на ней ложили немцев тучами. А ведь мы брали боем эту высоту, прежде чем на ней закрепиться. И каким боем! Мы не на готовенькое пришли, а сами отбили рубеж и защищали его. А те, что сменили нас, видно, не знали цены земле!

— Да, вот как, — продолжал комиссар, все больше возбуждаясь: — Пусть знают все, весь наш фронт: рубеж — это кровь наших товарищей! Зубами нужно держаться за него, изо всех сил!

— Мы открыли в полку счет мести за кочетковцев, — сказал Галич, — и убили уже четыре тысячи немцев.

В маленьком блиндаже было тихо, из степи к нам заглядывала лунная ночь.

— А какие у всех славные имена, — задумчиво сказал командир роты Аста-

хов, — Николай Иванович, Михаил Пав-
лович, Иван Никанорович, Василий
Дмитриевич... Хорошие, русские имена!
— Главное, — добавил комиссар, —
родные, бессмертные имена.

Старший политрук В. ШАМША.

(Из фронтовой газеты
„Красная Армия“).

П Р И К А З
ВОЙСКАМ ФРОНТА
№ 1-Н

2 октября 1942 г. Действующая Армия

От имени Президиума Верховного Совета Союза ССР, за образцовое выполнение боевых заданий Командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество награждаю:

ОРДЕНОМ ЛЕНИНА

1. Младшего сержанта **Бурдова Павла Ивановича**
2. Ефрейтора **Гущина Ивана Пудовича**
3. Ефрейтора **Докучаева Николая Васильевича**
4. Младшего лейтенанта **КОЧЕТКОВА Василия Дмитриевича**
5. Красноармейца **Чиркова Василия Архиповича**
6. Сержанта **Шуктомова Михаила Андреевича.**

ОРДЕНОМ КРАСНОГО ЗНАМЕНИ

1. Красноармейца **Бурдина** Николая Ивановича
2. Красноармейца **Двоглазова** Алексея Степановича
3. Младшего сержанта **Касьянова** Ивана Игнатовича
4. Красноармейца **Меркурьева** Владимира Александровича
5. Красноармейца **Пуховкина** Акиндипа Ивановича
6. Красноармейца **Степаненко** Михаила Павловича
7. Красноармейца **Унжакова** Геннадия Афанасьевича
8. Красноармейца **Федосимова** Ивана Николаевича
9. Красноармейца **Федотовского** Николая Михайловича
10. Красноармейца **Штефан** Григория Филипповича.

ВОЕННЫЙ СОВЕТ ФРОНТА.

Наша гвардия

...Василий Кочетков лежит у пулемета.
А рядом с ним — пятнадцать храбрецов.
„Огонь!“ — И падает фашистская пехота.
„Умрем, а победим“, — кричит сержант Бурдов.

Отбита первая атака пьяных фрицев.
Взвод комсомольский, как скала, стоит.
Пусть слава птицею по селам и станицам
О кочетковцах храбрых пролетит.

Горою вражьих трупов высота покрыта,
Гвардейцев никогда не победить!
Атака пятая героями отбита.
Бьются смерть того, кто хочет жить.

Уже рассвет вставал, росую серебрился,
Поднялся Кочетков и оглядел друзей.
„Мне кажется, что я сейчас родился
И стал орлом среди донских степей.“

Мы любим жизнь, людей, как смелый, дерзкий
Данко,

И умереть не страшно ради них,
Друзья, на нас идет двенадцать вражьих танков,
Наш долг — не дрогнуть, уничтожить их.

Мы победим! О день неравной грозной битвы!
В руках гранаты, месть — в сердцах бойцов.
Шесть танков кочетковцами подбито,
Смертельно ранен пулей Кочетков.

На танки бросились герои-кочетковцы,
Покрылась пл. менем фашистская броня..
И, как панфиловцы, погибли комсомольцы,
Гордись орлами, русская земля!

НАГРАДА ЗОВЕТ!

С КРАСНОАРМЕЙСКОГО МИТИНГА
ПО ПОВОДУ НАГРАЖДЕНИЯ
16 ГЕРОЕВ-КОЧЕТКОВЦЕВ

Вечером получили газету с приказом о награждении героев-кочетковцев. Из окопа в окоп переходит газета. Затаив дыхание, ее читают при свете цыгарок.

Поступило сообщение о митинге.

Тесным прямоугольником выстроились гвардейцы подразделения, в составе которого учились и дрались 16 героев-кочетковцев и завоевали бессмертную славу.

Торжественно раздается команда: „Смирно!“ Бойцы, командиры и политработники внимательно слушают приказ Военного Совета фронта. Каждая фамилия вызывает бурю воспоминаний, больно сжимает сердце, разжигает ненависть к врагу.

В ответ на приказ о награждении 16 героев-кочетковцев звучат горячие сло-

ва клятвы тех, кто плечом к плечу с ними дрались с врагом.

Ниже даем эти выступления.

Старшина П. СУББОТИН.

БУДЕМ ДРАТЬСЯ, КАК КОЧЕТКОВЦЫ!

—Целый год я жил вместе с ними, кочетковцами. Но разве могли месяцы мирной жизни полностью раскрыть прекрасную душу этих скромных людей, обессмертивших себя славою в бою. Да мы и не думали тогда об этом. Мы думали тогда только о том, как лучше подготовить себя к бою, скорей разгромить врага.

Среди нас много товарищей, готовых, как и наши друзья кочетковцы, отдать все для победы над врагом.

НЕ БУДЕТ РУК — БУДУ ГРЫЗТЬ ЗУБАМИ

— В ответ на высокую награду героев-кочетковцев я клянусь драться так же, как они. Рук не будет — буду бить врага ногами, ног не будет — буду зубами грызть горло фашистской гадине.

Высокая награда героев-кочетковцев зовет нас еще упорней драться с врагом, еще безжалостней и беспощадней истреблять гитлеровскую сволочь.

Ст. сержант В. КРИВОШИПОВ.

МЫ КЛЯНЕМСЯ!

— Мы не запятнаем светлой памяти наших героев. Их нет среди нас. Но они оставили после себя величайший пример борьбы с ненавистным врагом. Клянемся вам, дорогие друзья-герои, что мы

будем крепко, по-гвардейски мстить врагу. Тысячами своих поганых жизней он заплатит за смерть каждого из вас.

Красноармеец Д. НЕСМАЧНЫЙ.

НЕ УРОНИМ ЧЕСТИ

—Велика честь нашего подразделения, воспитавшего славных героев-кочетковцев. Мы хорошо дрались. Но теперь в ответ на высокую правительственную награду наших друзей будем бить врага еще сильнее, еще беспощадней. Мы никогда не уроним этой высокой чести.

(Из фронтовой газеты „Гвардеец“).

Печатается по распоряжению
командующего 1-й гвардейской бригадой

Цена 59 коп.